

Новые известия. - 2002. - 5 сент. - с. 7.

СХИМНИК

И ЛЕТОПИСЕЦ

Художник, запечатлевший в портретах историю русской эмиграции

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Новые Известия»,
Париж

За три десятилетия парижской жизни художник Николай Дронников, которому недавно исполнилось 72, сделал тысячи портретов — в основном графических. Его называют летописцем, Несатором российской эмиграции. Один из альбомов Дронникова посвящен тому, как Мстислав Ростропович дирижировал в Париже оперой «Война и мир». Иногда десяток-другой рисунков он объединяет в серию открыток. Ну а всего Николай выпустил книг сорок — в основном микроскопическими тиражами. Их он называет своим «рукоделием». Живет Дронников в близком парижском предместье Иври-сюр-Сен, в семейном гнезде своей жены Аньес, журналистки Франс Пресс.

На воротах дома Николай привинтил медную табличку с фамилией и большого двуглавого орла, который в далекие 70-е вызывал насмешки в одном из

последних коммунистических бастионов некогда мощного парижского «красного пояса». Кстати, дом Дронникова стоит на улице Мориса Тореза, которая пересекается с улицей Ленина и перетекает в улицу Марата. За крепкими железными воротами начинается нечто похожее на воронью слободку: эта птица повсеместно — и в длинном дворе, и в доме — запечатлена в разных формах, включая скульптурную. «Ворона птица хищная, злая и вещая», — объясняет Николай. — *Ее лучше иметь другом. Ко мне она прилетает попозировать... Я помню, как ворона громко каркала в нашей деревне Будки в июне 41-го, и соседка сказала: «Коля, прогони ее, а то войну накличет...». Сопровождает она и отшельников. На полотне Риберы в Лувре, где изображен Святой Павел в египетской пустыне, ворона несет ему в клюве что-то съестное...». Воронья много в книгах Дронникова и прежде всего в тех, которые он посвятил своему другу, поэту Геннадию Айги. Николай одним из первых опубликовал его стихи во*

Франции. Три из множества стихотворных альбомов Айги, которые выпустил художник, так и называются: «Слово — ворона». «*Это самый крупный из ныне живущих поэтов России, — считает Николай. — Он идет от футуристов и продолжает их традиции...*».

Чужой французский особняк Дронников с годами превратил в свой музей. В кабинете — превосходная русская библиотека с дореволюционными фолиантами, собранная во Франции... Из Москвы они с Аньес уезжали почти с пустыми руками: перед отбытием в близлежащем овраге Медведкова сжег на всякий случай картины, дневники и архивы — словно в сорок лет хотел на берегах Сены начать жизнь с чистого листа. По словам Николая, уехать хотела прежде всего Аньес, которая к тому времени прожила в Москве двенадцать с половиной лет. Круг постепенно сужался. Посадили Бродского, Гинзбурга... Но главная причина заключалась в сыне, который рос двуязычным и которого, полагал художник,

Андрей Тарковский.

наверняка захотел бы забреть на службу КГБ. Надо было его спасать.

«*Я не только портретист, но и пейзажист, — говорит Дронников. — Мне нужна натура, пленэр, и когда я поднялся на Монмартр, то не знал, с чего начинать, ибо каждый фонарь был написан-переписан Ренуаром, Сислеем или Утрилло. Оказавшись здесь, я счел своим долгом «увекочить» всех, кто жил и приезжал во Францию. Мои портреты — это всегда рисунок с натуры. Человек читает стихи, беседует или идет по улице: Лифарь, Шагал, Одоевцева, Некрасов, Галич, Брод-*

Виктор Некрасов.

ский, Рихтер, Ахмадулина, Окуджава, Тарковский, Синявский, Максимова, Рабин, Зиновьев, Струве, Губайдулина...». По дронниковским зарисовкам парижского еврейского квартала одессит Игорь Потоцкий написал книгу «Улица Розье».

Сравнивает себя Николай со схимником, который редко выбирается из своего скита на свет Божий. Человек упертый, с характером, жесткий, он с частью эмиграции — особенно с западниками — рассорился. Во Францию прибыло много художников-«бульдозеристов», то есть

участников знаменитой бульдозерной выставки. Дронников в их число не попал, оказался за бортом, в стороне от «мейнстрима», и с тех пор, кажется, чувствует себя обиженным, хотя со многими сохраняет хорошие отношения. Крепко дружит Николай и с единственным оставшимся в живых потомком пушкинского секунданта Данзаса, которому сейчас уже под девяносто.

В Москве Дронников выставиться не хочет — полагает, что в идеологической битве меж разных лагерей ему ничего не светит. Роль летописца нравится больше.